

Если она вдруг стала тратить так много денег, значит, либо ей помогает мужчина, либо она действительно зарабатывает на своём лотке.

Хотя все только шептались об этом, после того как Сюй Цзя присоединилась к Тун Дафэн, она не только помогала ей строить козни, но и невольно выдала много информации о Ван Пинпин.

Услышав, что её ненавистная соперница зарабатывает столько денег, а её собственный бизнес едва окупается, Тун Дафэн позеленела от зависти.

Позже эти слухи каким-то образом дошли до жителей деревни Дая.

В такой маленькой деревне нет секретов.

Вскоре все говорили, что Ван Пинпин действительно разбогатела, слышали, что за несколько месяцев она заработала почти 10 000!

Раньше такие разговоры вызвали бы только насмешки, но теперь поведение Ван Пинпин, казалось, подтверждало слухи.

Разве не видно, что она не только наняла Чжао Ли, молодого и сильного парня, в помощники, но и смогла арендовать в городе дом, чтобы хранить свою тележку!

Наконец, однажды, когда группа женщин болтала, кто-то неосторожно сказал:

— Мы же из одной деревни. Если Ван Пинпин заработала, почему бы ей не поделиться с нами советом?

Атмосфера на мгновение застыла.

Через некоторое время одна из женщин ответила:

— Это же её хлеб насущный. Ты бы сама легко поделилась?

Кто-то возразил:

— Я не говорю, чтобы она учила нас. Мы не настолько наглые. Просто хочется узнать, как можно заработать. Ведь у всех дома небогато, даже если бы удалось немного подзаработать, я бы хотела научиться.

Эти слова нашли отклик у многих.

Раньше Ван Пинпин была объектом их насмешек и жалости, и, говоря о ней, всегда упоминали её мужа Тун Вэйлуна, который изменял ей и бросал семью.

Но теперь она шагнула далеко вперед, а они всё ещё оставались на том же месте, тихо посмеиваясь над ней.

Этот разрыв вызывал у многих зависть.

Подстрекаемые недоброжелателями, группа женщин бросила шитьё и, не дожидаясь, чтобы отнести иголки домой, толпой направилась к глинобитному дому на окраине деревни, как раз вовремя, чтобы встретить Ван Пинпин, которая возвращалась домой за маринованными овощами.

Услышав это, Тун Цянь усмехнулся:

— Какое совпадение?

Его мать каждый день рано уходила и поздно возвращалась, а маринованные овощи хранились дома. Когда она продавала ланч-боксы в полдень, Сунь Сяолань как раз проходила мимо её тележки.

Сунь Сяолань остановилась, чтобы поболтать с Ван Пинпин, и между делом упомянула:

— У тебя на тележке осталось так мало маринованных овощей, хватит на продажу?

Ван Пинпин не придавала этому значения и ответила:

— Сейчас много людей, я позже зайду домой за добавкой.

Так её и подловили.

Дома было полно людей, Ван Пинпин суетилась, подавая чай и воду. Тун Цянь, не выдержав, подошёл и потянул её за рукав:

— Мама, если ты не пойдёшь, дядя Чжао Ли не справится один!

Если бы у этих людей была хоть капля такта, они бы уже ушли.

Но Тун Цянь явно недооценивал толщину кожи некоторых деревенских женщин.

Третья тётушка тут же сказала:

— Чжао Ли — взрослый мужчина, твоя мама ему платит, пусть работает. К тому же, это ненадолго, ничего страшного.

Тун Цянь разозлился, но Чжоу Минъянь, заметив это, вовремя увёл его в комнату и дал ему несколько таблеток, чтобы успокоить сердцебиение.

— Спокойно, спокойно, — Чжоу Минъянь мягко похлопывал его по груди.

Тун Цянь, чувствуя обиду, не стал сопротивляться и уткнулся в грудь Чжоу Минъяня, ворча:

— Я просто не могу смотреть, как эти наглые женщины обижают мою маму.

Чжоу Минъянь успокоил его:

— Твоя мама взрослая женщина, и она давно занимается бизнесом. Поверь, она справится с ними.

— Правда?

Эти женщины явно хотели заставить Ван Пинпин раскрыть секрет её заработка. Но если бы все узнали, как она зарабатывает, вся деревня ринулась бы в город торговать, и их семья осталась бы без дохода.

Чжоу Минъянь сказал:

— Пообещай мне, что не будешь злиться. Успокойся, и я выведу тебя посмотреть, как твоя

мама справляется с ними.

Тун Цянь знал, что он прав, и, успокоившись, пошёл с ним.

Зимние плотные шторы ещё не сняли, и, когда Чжоу Минъянь приподнял их, звуки снаружи стали слышны яснее.

— ...Не то чтобы я, Ван Пинпин, не хочу быть доброй, но мой бизнес, как вы видите, заключается в продаже домашней еды. Всё зависит от личного мастерства. Если вы хотите научиться, я не могу вам помочь.

Не успела она закончить, как Сунь Сяолань набросилась:

— Значит, ты не хочешь считаться с родственными узами?

Третья тётушка поспешила вмешаться:

— Сяолань, я уверена, что Пинпин добрая. Раз она сама преуспела, разве она бросит нас, своих родственников?

Одна играла роль доброй, другая — злой, и их взаимодействие было идеальным.

Но Ван Пинпин не испугалась.

Она спокойно сказала:

— Мы все здесь родственники и соседи. Я не стану ничего скрывать. Бизнес с ланч-боксами — это не для всех, но я могу научить вас делать рисовые шарики.

Все замерли: она действительно согласилась?

Ван Пинпин улыбнулась:

— Рисовые шарики дешевле в производстве, их легко готовить, и они не требуют много места, в отличие от ланч-боксов, для которых нужна тележка.

Она всё объяснила ясно, и остальные не были глупы.

Преимущества и недостатки обоих видов бизнеса были очевидны, и, учитывая, что Ван Пинпин сама занималась продажей ланч-боксов, она, конечно, не хотела лишиться своего заработка. Её нежелание раскрывать всё было понятно.

Третья тётушка, сияя от радости, поспешила похвалить:

— Видите, я же говорила, что Пинпин не такая!

Ван Пинпин улыбалась, но Тун Цянь догадывался, что внутри она, вероятно, уже ругалась.

Получив своё, они ещё и наглеют.

Но Сунь Сяолань не сдавалась:

— Тележка — это не проблема. У меня есть родственники в городе. Научи меня делать ланч-боксы, и я поставлю тележку у них.

В прошлый раз, когда её втянула в свои дела Лю Чуньхуа, хотя потом выяснилось, что Лю Чуньхуа и вдова Чжао вместе строили козни против Ван Пинпин, это было настолько скандально, что на неё никто не обратил внимания. Но, вернувшись домой, она всё равно получила порцию насмешек от свекрови. Она не из тех, кто терпит обиды, и между ними произошло не меньше десятка ссор, превративших дом в ад.

Сунь Сяолань не считала, что сама навлекла на себя беды своими сплетнями, а винила во всём других, включая Ван Пинпин.

Она осмелилась сказать это вслух, считая, что Ван Пинпин слишком эгоистична, чтобы раскрыть секрет своего бизнеса, и хотела этим её уколоть.

Ван Пинпин продолжала улыбаться:

— Хорошо, если ты хочешь продавать ланч-боксы, я не буду тебе мешать. Сначала найди кого-нибудь, кто сделает тебе тележку. У нас здесь такие не продаются, я заказывала свою у мастера в другом городе, и это обошлось мне почти в 200 юаней.

— Двести? — не только Сунь Сяолань, но и другие, кто задумывался о бизнесе с ланч-боксами, ахнули. — Так дорого?

Тун Вэйминь за изготовление кровати брал меньше 50 юаней, и то это была значительная часть свадебного подарка.

Тун Цянь усмехнулся: его мама уже не та, что раньше. Теперь она мастерски владеет искусством слов.

Тележку они действительно заказывали, и для деревни Дая город уезда Линьшуй был другим городом.

Мастер? Местный плотник Чжан был известен в округе.

Почти двести могло быть и больше, и меньше, а 105 — это тоже больше ста.

Сунь Сяолань побледнела. Даже если бы она решилась потратить такие деньги, её свекровь и муж никогда бы не позволили ей так расточительствовать. Она почувствовала, как её лицо горит. Несколько спокойных слов Ван Пинпин полностью её унизили.

Остальные женщины украдкой переглянулись, боясь, что Сунь Сяолань разозлит Ван Пинпин, и та откажется учить их делать рисовые шарики. Они начали уговаривать её, невольно принимая сторону Ван Пинпин и обвиняя Сунь Сяолань в неблагоразумии.

Сунь Сяолань, бледная от злости, вдруг усмехнулась и, указывая на них, сказала:

— Что, заработала пару грязных денег, и вы все тут как собаки лезете угождать? Будто сами не сплетничали о ней раньше.

Её прямолинейность поставила тётушек в неловкое положение.